

DOI: [10.14515/monitoring.2025.5.3027](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3027)

Л. А. Чернышева, А. М. Хохлова

**«И СОВРЕМЕННО, И С ОТГОЛОСКАМИ ПРОШЛОГО»:
НОСТАЛЬГИЯ В ПРОЕКТАХ СОХРАНЕНИЯ
ИСТОРИЧЕСКИХ ДЕРЕВЯННЫХ ДОМОВ**

Правильная ссылка на статью:

Чернышева Л. А., Хохлова А. М. «И современно, и с отголосками прошлого»: ностальгия в проектах сохранения исторических деревянных домов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 5. С. 40—63. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3027>.

For citation:

Chernysheva L. A., Khokhlova A. M. (2025) “Both with a Modern Feel and with a Blast from the Past”: Nostalgia in the Projects of Historical Wooden Houses’ Preservation . *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 40–63. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3027>. (In Russ.)

Получено: 15.05.2025. Принято к публикации: 20.08.2025.

«И СОВРЕМЕННО, И С ОТГОЛОСКАМИ ПРОШЛОГО»: НОСТАЛЬГИЯ В ПРОЕКТАХ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ДЕРЕВЯННЫХ ДОМОВ

ЧЕРНЫШЕВА Любовь Алексеевна — кандидат социологических наук, PhD in sociology, старший научный сотрудник сектора социоурбанистики, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: l.a.chernysheva@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9107-8211>

ХОХЛОВА Анисья Михайловна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии культуры и коммуникации, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; старший научный сотрудник сектора социоурбанистики, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: anisya_khokhlova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2057-7988>

Аннотация. В статье анализируются проекты сохранения исторических деревянных домов и кварталов в российских городах. Авторы предлагают детализированный взгляд на такие инициативы, выходящий за рамки дихотомии между музеефикацией и коммерциализацией. В качестве аналитического инструмента используется понятие Т. Беннета «рабочие поверхности социального», позволяющее проследить, как социальные и мемориальные аспекты городской жизни, связанной с деревянными домами, превращаются в культурные продукты, нацеленные на реализацию определенных политик: от воспитания «хорошего горожанина» до го-

“BOTH WITH A MODERN FEEL AND WITH A BLAST FROM THE PAST”: NOSTALGIA IN THE PROJECTS OF HISTORICAL WOODEN HOUSES’ PRESERVATION

Liubov A. CHERNYSHEVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), PhD in Sociology, Senior Researcher
E-MAIL: l.a.chernysheva@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9107-8211>

Anisya M. KHOKHLOVA^{2,1} — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor at the Chair of Sociology of Culture and Communication; Senior Researcher
E-MAIL: anisya_khokhlova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2057-7988>

¹ Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

² St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Abstract. The paper analyzes projects aimed at the preservation of historical wooden houses and quarters in Russian cities. The authors offer a nuanced approach to preservation initiatives that goes beyond the dichotomy of museumification vs. commercialization. As an analytical tool, they apply T. Bennett’s notion of “working surfaces on the social” that enables tracing how the social and memorial aspects of urban life associated with wooden houses turn into cultural products designed to promote certain policies: from cultivating a “good urbanite” to urban economic development or local patriotism.

родского экономического развития или поддержания локального патриотизма.

Опираясь на различие ностальгии как настроения и ностальгии как режима, предложенное Х. Брембек и Н. Сёрумом, авторы показывают, как в процессах трансформации зданий вовлеченные акторы работают с их исторической и коммеморативной ценностью. На основе пяти кейсов и 35 интервью с различными акторами, задействованными в сохранении исторических домов в Нижнем Новгороде, Вологде и Тотьме, в работе показывается, как в разных контекстах происходят медиированные разными формами ностальгии «разборка» и «сборка» деревянного дома, в ходе которых не только физически трансформируются здания, но и переопределяются их функции, формируются задачи сохранения, стираются и возникают новые значения.

Ключевые слова: наследие, историческая ценность, деревянные дома, музеефикация, ностальгия, реконструкция

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01093, <https://rscf.ru/project/24-28-01093/>.

Relying on the distinction between nostalgia as mood and nostalgia as mode offered by H. Brembeck and N. Sörum, the authors show how actors engaged in the transformations of buildings work with their historical and commemorative value. Based on 5 cases and 35 interviews with actors involved in the preservation of historical houses in Nizhny Novgorod, Vologda and Totma, the paper shows how wooden houses get “disassembled” and “(re)assembled” in different contexts, and how these processes — in the course of which the buildings are not only transformed physically but also reinterpreted functionally, while the ends of preservation get articulated, and meanings emerge and get erased — are mediated by various forms of nostalgia.

Keywords: heritage, historical value, wooden houses, museumification, nostalgia, reconstruction

Acknowledgments. This research has been supported by the grant from the Russian Science Foundation № 24-28-01093, <https://rscf.ru/project/24-28-01093/>.

Введение

Нижегородский квартал церкви Трех Святителей — территория, на которой один из крупнейших российских проектов восстановления деревянных домов «Заповедные кварталы» развернул деятельность по сохранению¹ и приспособлению старых зданий под новые функции. В ходе полевой работы мы несколько часов гуляли по кварталу с экскурсоводом — сотрудником проекта. Остановившись около одного из домов, он обратил наше внимание на его окраску:

С ним интересная история. <...> Как выясняется, в какой цвет красить дом? В отдельных случаях мы в архивах находим план и рисунок фасада, где рукой архитекто-

¹ Под сохранением деревянных зданий мы понимаем усилия по их восстановлению, реставрации, консервации и поддержанию/воссозданию художественных особенностей. Хотя эти понятия имеют разное наполнение, мы не задаемся целью их аналитически дифференцировать, а используем в описании кейсов вслед за информантами.

ра какой-то цвет выбран. <...> Но на стыках между досками, на бревнах можно найти иногда целые слои краски и докопаться до первого слоя. <...> В данном случае выяснилось, что цвет дома розовый, но не такой [мягкий] розовый, а прямо фуксия — прямо кровь из глаз! <...> Волонтеры не были рады своей находке, потому что красить в точно такой же цвет <...> — это значит вызывать огонь на себя. Никто не поверит, что было именно так. (И1)²

В проектах сохранения домов подобные дилеммы встречаются постоянно. Вовлеченные акторы встают перед выбором: от каких элементов прошлого, будто от слоев краски на фасаде, необходимо избавиться, а какие, напротив, стоит сохранить? Дилемма цвета дома обнаруживает конфликт между двумя возможными векторами работы с деревянным зданием: его музеефикацией, предполагающей максимально точное соответствие историческому материалу, и коммерциализацией наследия, когда проект должен соответствовать ожиданиям и предпочтениям туристов и инвесторов.

В этой статье мы рассмотрим, как в российских городах организованы проекты сохранения исторических деревянных кварталов и отдельных деревянных домов, набирающие популярность с конца 2010-х годов [Манцерова, 2023; Бахарева, Садова, 2021]. Вместо того чтобы обсуждать их возникновение и влияние на городскую среду в контексте бинарной оппозиции музеефикации — коммерциализации, мы предложим более нюансированный взгляд на то, как в подобных проектах разрешаются напряжения, связанные с этой оппозицией. Для этого мы сфокусируемся на процессах трансформации зданий и ответим на вопрос, как в рамках проектов сохранения акторы организуют работу с исторической и коммеморативной ценностью деревянных зданий и какую роль в этих процессах играет ностальгия.

Опираясь на различение ностальгии как настроения, то есть аффективного переживания, и как режима, то есть избирательной и целенаправленной репрезентации прошлого [Brembeck, Sörum, 2017], а также на теорию культурной сборки [Bennett, 2007], мы проанализируем, как ностальгия становится ресурсом, инструментом и медиатором проектов сохранения. Используя дизайн множественного кейс-стади, мы обратимся к проектам в трех российских городах — Нижнем Новгороде, Вологде и Тотьме, — демонстрирующим разное обращение с историческим материалом, а также вариации форматов «разборки» и «сборки» деревянных домов, в метафорическом и прямом смысле отделяющие их от некоторых исторических и коммеморативных связей и ассоциаций и присоединяющие новые элементы, отвечающие задачам проекта, — так, чтобы получилось, словами одной из наших информанток, «...и современно, и с отголосками прошлого» (И17). Мы раскроем механизм превращения социальных аспектов жизни домов и связанной с ними памяти в культурные продукты в рамках разнообразных и причудливо сочетающихся задач: от извлечения коммерческой прибыли до создания «хорошего горожанина», готового нести ответственность за поддержание деревянной застройки, от профессионального восстановления аутентичной архитектуры до сохранения пространства повседневной жизни горожан.

² Сведения об информантах представлены в таблице 1.

Проекты реконструкции деревянных домов: между музеефикацией и коммерциализацией

В городах по всему миру наследие задействуется для достижения задач городского реновирования. Трансформация ветхой исторической застройки в ценные объекты наследия находит поддержку исследователей, связывающих их появление с положительными изменениями в городской экономике [Doratli, 2005; Шумилкин, Грачева, 2019]. С другой стороны, критические городские исследования обращают внимание на то, что проекты, задействующие исторические здания или места памяти, зачастую не только осуществляют их музеефикацию³, сохраняя ценные объекты и превращая их в части музейного пространства [Zuanni, 2021; Айкас, 2023], но также нацелены на создание притягательных для туристов мест. Городская историческая среда в таком случае предстает лишь эстетичным фоном туристических практик, где нет места повседневным активностям горожан [Denslagen, 2009]. Наследие в городах вписывается в логику неолиберального развития и становится инструментом переоценки ценности (и стоимости) городских территорий, что приводит к созданию неравенств и вытеснению маргинализированных сообществ [Ruay, Almeida, 2020]. В подобных процессах, получивших название «джентрификация наследием» [Meloni, 2025; Zhu, González Martínez, 2022], активную роль играют не только государство и частные компании, но и культурные институции, такие как крупные городские музеи [Fiore, Caradonna, 2025].

При более пристальном рассмотрении оказывается, что целенаправленная работа с памятью в городском пространстве опирается на разные подходы, выходящие за пределы чисто коммерческой или музейной логики. Так, проекты могут быть направлены на работу с локальным сообществом [ibid.], создание нарратива, альтернативного государственной памяти [Wang, 2014], или даже радикальный отказ от построения какого-либо нарратива [Edensor, 2005]. В подобных проектах могут сочетаться разные элементы: «очищение» объектов от повседневной жизни и их музеефикация, коммерциализация наследия, стремление к общению с внешними публиками или его отсутствие, однако академические подходы, рассматривающие процессы музеефикации, зачастую нечувствительны к подобному разнообразию.

Чтобы «схватить» такую вариативность, мы обращаемся к понятию «рабочие поверхности социального» [Bennett, 2007]. Рассматривая проблему чрезмерного слияния «социального» и «культурного» в рамках культурной социологии, Т. Беннетт предлагает не принимать их за синонимы и обращать внимание на то, как эти аналитически различимые сферы соединяются через «рабочие поверхности социального», то есть своеобразные «интерфейсы», созданные в процессе переработки повседневного социального опыта в культурные продукты (например, музейные артефакты и нарративы). Эти «поверхности» создаются специалистами в ходе исторических и институциональных процессов; по сути, они определяют, как созданная и признанная экспертами «культура», в свою очередь, будет воздействовать на общественную жизнь. Беннетт раскрывает, как ассамбляжи производства

³ В этой статье мы не различаем понятия музеефикации и музееализации и называем музеефикацией процессы трансформации объектов, зданий, пространств в экспонаты, функционирующие согласно логике музея как пространства сохранения и демонстрации (см. подробно о различиях: [Váduva et al., 2024]).

культуры⁴ — музеи, художественные и научные институции — конфигурируют разные «рабочие поверхности», организуя объекты, тексты и людей в сети, которые облегчают управление социальными практиками. Таким образом, понятие «рабочие поверхности социального» помещает в центр рассмотрения одновременно работу по созданию культурного объекта/продукта и работу, которую получившийся культурный продукт выполняет, оказывая влияние на социальную динамику.

Подобный подход сочетается с пониманием зданий не как стабильных сущностей, но как гибких, постоянно меняющихся, существующих как событие [Jacobs, 2006], не имеющих предзаданных функций и значений. Ниже мы рассмотрим, как вокруг здания формируются социотехнические сети, определяющие здание как особый культурный продукт [Yaneva, 2008; Edensor, 2013] и формирующие его как действующую «поверхность», нацеленную на решение целого спектра задач и производящую те или иные эффекты в отношении городского пространства и сообщества за пределами понятий коммерциализации и музеефикации.

Ностальгия и историческая ценность в проектах реконструкции деревянных домов

В работе по созданию «поверхностей» существенную роль играют эксперты — специалисты по работе с наследием. Именно они осуществляют музеефикацию объектов, зданий и памяти, то есть семиотическую работу, в рамках которой происходит отбор релевантных задачам символических элементов и уничтожение всего «лишнего» [Yaneva, 2017]. В зависимости от поставленных задач в ходе приспособления под новые функции могут сохраниться лишь несколько элементов прошлого здания, не нарушающих консистентность нового проекта [Edensor, 2005], или элементы, принадлежащие только одному историческому периоду, одному типу «историчности», которому эксперты отдают приоритет [Halauniova, 2021]. Подобная экспертная работа по «очищению» маскирует политику экспертов — реставраторов, архитекторов, девелоперов, музейных специалистов. Например, скрытые стремления создавать туристически привлекательные пространства, ориентировать их на определенные городские публики (средний класс) [Edensor, 2005], поддерживать принятый исторический нарратив или сочетать эстетики реставрируемого объекта и окружающей его городской среды [Halauniova, 2021].

Эксперты таким образом проводят собственную политику в отношении наследия, историчности, аутентичности и музеефикации. Их работа выходит за рамки рационального подхода, «научности» и позитивистского представления о ценности объектов, с которыми они имеют дело. Хотя эксперты могут формулировать ценность на языке «объективности» и «беспристрастности» [Jones, 2010], в действительности их работа по производству ценности и трансляции знания опирается на чувственное восприятие [Jethro, 2015], символическое присвоение объекта наследия и его воплощение в своем жизненном опыте [van de Port, Meyer, 2018: 6], основанное на опыте физического соприкосновения с местами и зданиями [Jones, 2010].

⁴ То есть специфические комбинации объектов, людей, знаний и практик, собранные и организованные институциями, чтобы производить определенные элементы как «культурные» с целью воздействия на общество.

Значимую роль в работе с историческим материалом играет ностальгия, причем эксперты не только переживают ее сами, вовлекаясь в процессы интерпретации истории [Simine, 2013; Bulger, 2011], но и проецируют ее на своих информантов при сборе материала для создания музейных выставок [Snellman, 2016]. Ностальгия предстает аффективной практикой, которая, с одной стороны, сама опосредована социально, а с другой — влияет на то, как вовлеченные в работу с наследием акторы понимают и переживают свой опыт [Smith, Campbell, 2017]. Подобная двойственность делает ностальгию удачным инструментом создания притягательности объектов наследия [Brembeck, Sörum, 2017].

Развивая понимание ностальгии одновременно как аффекта и как прагматичного инструмента, Х. Брембек и Н. Сёрум [ibid.] предлагают два понятия: «ностальгия как настроение» (mood) и «ностальгия как режим» (mode), позволяющие рассматривать ностальгию как перформативный механизм. *Ностальгия как настроение* — это субъективное чувство, возникающее при взаимодействии с объектом или средой. Она напрямую связана с личными воспоминаниями, переживаемыми эмоциями, чувством утраты прошлого. Так, покупатель может испытать ностальгию, увидев в винтажном магазине вещи из своего детства [ibid.], а жители исторического квартала испытывают привязанность к своим домам и переживают ностальгические чувства вне зависимости от того, связывает ли их с этим местом семейная история или нет [Istasse, 2016]. *Ностальгия как режим* — это организованный способ работы с прошлым, избирательное представление прошлого, созданное с теми или иными целями, будь то музеефикация, получение коммерческой выгоды или что-то еще. Ностальгия может формироваться в музеях и других институтах, связанных с сохранением и репрезентацией истории [Simine, 2013; Bulger, 2011], в рамках маркетинговых стратегий, когда намеренно созданная атмосфера и визуальный стиль призваны вызывать ностальгические чувства у потребителей [Brembeck, Sörum, 2017], или в частных пространствах квартир, где использование винтажных предметов позволяет сформировать альтернативный временной фрейм⁵ [Kannike, 2013].

Два представленных формата ностальгии не могут быть четко разделены: *режим* создает условия для переживания *настроения* [Brembeck, Sörum, 2017]. *Настроение* же, как мы покажем в эмпирической части статьи, выступает основой для формирования *режима*, если его переживают акторы, вовлеченные в процессы сохранения исторических зданий. Далее мы рассмотрим, как становится возможным переход от *настроения* к *режиму*, сделав акцент на том, как персональные переживания и аффекты, связанные с практикой работы с деревянным домом, формируют «рабочую поверхность» и начинают производить работу по созданию коллективных переживаний ностальгии.

Эмпирические данные и методы

Эмпирическими данными статьи послужили полуструктурированные интервью ($N = 35$) с акторами, вовлеченными в проекты по сохранению и преобразованию деревянной застройки: местными чиновниками, инвесторами, активистами, крае-

⁵ Мы понимаем временной фрейм как когнитивную схему, которую акторы используют для структурирования проектов наследия, опираясь на понимание уместности и сочетаемости исторических эпох и связанной с ними материальности.

ведами, историками, реставраторами и жителями деревянных домов, — собранными в трех городах — Нижнем Новгороде, Вологде и Тотьме. Эти разномасштабные города обладают (отчасти) признанным историческим и архитектурным наследием в области деревянного зодчества и одновременно довольно обширным фондом ветхих и разрушающихся деревянных зданий. Для исследования мы отобрали ряд проектов, которые демонстрируют максимальную вариативность в понимании (не)ценности деревянных зданий, способах обращения с историческим материалом, целях и, соответственно, степени музеефикации и коммерциализации деревянной застройки. В своем анализе мы сознательно отказались от пошаговой реконструкции процессов переживания и инструментального использования ностальгии в каждом из кейсов, вместо этого апеллируя к примерам из разных проектов для демонстрации разнообразных способов обращения с прошлым и подходов к работе с материальностью зданий. Краткая характеристика кейсов представлена в таблице ниже. Для отбора информантов мы проанализировали социальные медиа, освещавшие изучаемые проекты, в каждом из них выделили ключевых акторов и обратились к ним с просьбой об участии в исследовании. В ряде случаев при рекрутинге также использовалась техника «снежного кома». Полученные в рамках множественного кейс-стади нарративы были подвергнуты открытому, осевому и выборочному кодированию.

Таблица 1. Характеристика кейсов

Кейс	Основные акторы	Специфика кейса	Вектор развития	Информанты
Заповедные кварталы, Н. Новгород	Сотрудники АНО, осуществляющего управление территорией, городские и региональные власти, волонтеры «Том Соьер Феста» (ТСФ), реставраторы, местные жители, потенциальные бизнес-резиденты	Частно-государственный проект ревитализации так называемого квартала церкви Трех Святителей, охватывающего 28 исторических деревянных домов в центре города в границах ул. Новая, Короленко, Славянская и Студеная, и создания в квартале культурно-туристического кластера. Некоторые здания в квартале имеют статус ОКН	Профессиональная реставрация деревянных зданий; попытки балансировать между музейными и коммерческими функциями территории и задействовать в ее развитии широкий спектр инструментов: от локальных мероприятий и интерактивных экскурсий до вовлечения горожан в восстановление домов	И1 — м., экскурсовод, сотрудник проекта И2 — ж., сотрудница проекта, координатор ТСФ И3 — эксперт И4 — бывший чиновник И5 — м., экскурсовод, градозащитник И6 — м., реставратор И7 — ж., местная жительница И8 — ж., сотрудница проекта, координатор ТСФ
Красный просвещенец, Н. Новгород	Местные жители, градозащитники, создатели виртуального музея квартала, городские и региональные власти	Инициированная местными жителями кампания в защиту исторического квартала 1920-х гг., охватывающего 14 деревянных и 2 кирпичных дома в центре города, в границах ул. Белинского, Ашхабадской, Генкиной и Тверской, от угрозы сноса в рамках программы КРТ и реновации. Комплекс не является ОКН	Жители настаивают на сохранении не только деревянной архитектуры, уникальной планировки квартала и исторической памяти, связанной с бытом советской интеллигенции, но и среды их текущей повседневной жизни. Их оппоненты отказывают кварталу в архитектурной и исторической ценности	И9 — ж., эксперт, жительница и защитница квартала И10 — ж., краевед, градозащитница

Кейс	Основные акторы	Специфика кейса	Вектор развития	Информанты
Квартал меценатов (муниципальный проект «Купцы, промышленники, предприниматели города Вологды — меценаты и благодетели: связь времен»), Вологда	Городские и областные власти, сотрудники Городского проектного центра «Вологда», сотрудники Вологодского музея-заповедника и Государственного архива Вологодской области	Инициированный «сверху» проект сохранения средовой застройки на участке в границе ул. Козленской, Предтеченской, Пушкинской и Советского пр. и создания на ее базе «историко-просветительского пространства», способного привлечь туристов и креативный бизнес (пока существует только в форме проектной документации/концепции)	Ремонт/реставрация деревянных зданий, создание исторического нарратива, демонстрирующего преемственность между влиятельными дореволюционными родами вологодских купцов и меценатов и современным городским развитием. Попытки балансировать между сохранением атмосферы тихого аутентичного исторического квартала, музеефикацией и коммерциализацией	И11 — ж., одна из создательниц проекта, градозащитница И12 — ж., одна из создательниц проекта, сотрудница музея И13 — ж., чиновник
Дома Якимовых, Вологда	Семья предпринимателей-меценатов, городские власти, реставраторы, клиенты размещенных в домах бизнесов: горожане и туристы	Пять деревянных домов (три датируются XIX в., один — концом XVIII, еще один — рубежом XIX и XX вв.), расположенных в разных частях города (четыре находятся в частной собственности семьи, пятый — в долгосрочной аренде) и приспособленных или планируемых к адаптации под коммерческие нужды. Часть зданий являются ОКН	Попытки балансировать между новыми коммерческими функциями зданий и сохранением их аутентичности в ходе бережной профессиональной реставрации; размещение в домах любительских музейных экспозиций	И14 — ж., экскурсовод по музейным экспозициям в домах И15 — м., ж., предприниматели, меценаты
Частные деревянные дома, Тотьма	Владельцы домов, городские власти, негосударственные организации, поддерживающие общественные инициативы, волонтеры ТСФ	Проекты ремонта/реставрации двух деревянных жилых домов, инициированные старыми или новыми владельцами при поддержке других акторов	Попытки балансировать между практиками и потребностями жильцов, с одной стороны, и сохранением аутентичной архитектуры и интерьеров — с другой	И16 — м., частный собственник И17 — ж., частный собственник И18 — ж., сотрудница музея, волонтер ТСФ И19 — ж., сотрудница музея, волонтер ТСФ

Ностальгия как *настроение*: формирование привязанности к деревянным зданиям

Эмоциональные ностальгические переживания, связанные с городской деревянной застройкой, охватывают континуум от предельно индивидуализированных и укорененных в личном опыте связей с конкретным домом или кварталом до морально нагруженных сожалений об утрате городского деревянного ландшафта в целом. В самых очевидных случаях деревянные дома становятся материальными контейнерами личных воспоминаний и семейной истории. Так, в одном из тотемских деревянных домов жило несколько поколений семьи информанта. Старшие родственники застали дом до капитального ремонта, который случился в 1980-х годах и который семья оценивает как «вторжение», катастрофу, практи-

чески уничтожившую оригинальный облик дома и «вынувшую [из него] душу» (И16). Для них ностальгические переживания связаны с ощущением утраты знакомых и любимых предметов и интерьеров:

И там как раз мама соприкоснулась с этими печами <...> и вот эти двери. <...> То есть дом утрачен изнутри. Половицы были вынуты и куда-то ушли. Ушли куда-то и филенчатые двери двустворчатые, как и печи. Все ушло. (И16)

Для младших членов семьи новый облик дома стал данностью, но и они воспроизводят дискурс утраты, опираясь на воспоминания родителей. Такие ностальгические переживания связаны с сенсоральным опытом соприкосновения с материальностью дома, где визуально и на ощупь знакома и «греет» (И16) каждая доска. При этом домашний мир деревянных домов порой идеализируется, очищается от неприятных и болезненных эпизодов и впечатлений (бытовые неудобства, конфликты с соседями) и репрезентируется как утерянный рай или рай, который может быть утрачен: «...Все отмечают, что там легче дышится, что там хочется жить. А мне, кстати, не один раз говорили <...> разные люди в разные года, совершенно разного социального статуса <...>: „Мы тут как в раю живем“» (И9).

В других случаях деревянные дома являются частью локальной городской среды, где проходило детство информантов, а потому также связаны с их личными практиками и воспоминаниями и в целом воспринимаются как малая родина:

Я родилась в этом городе. Живу и работаю на улице Чернышевского, на которой находится наш дом. <...> На первом этаже была аптека <...> И мы ходили с мамой в эту аптеку, это моя, считайте, домовая аптека была. (И14)

Здесь озабоченность судьбой домов становится продуктом и маркером локальной идентичности. Возможна и обратная траектория, когда формирование привязанности к городу в целом и восприятие его как домашней среды побуждает взять ответственность за сохранение конкретного здания:

И я думаю: а почему бы там не купить какой-то дом и не сохранять его? То есть Тотьма, по-моему, для меня уже как родная. <...> И я прям чувствую, что здесь мне настолько хорошо, душевно, что мне никуда уезжать жить в другое место даже не хочется. (И17)

Аффективное переживание приобщенности к истории и судьбе зданий может возникать и благодаря волонтерскому участию в их консервации или ремонте, например в рамках фестиваля ТСФ («У меня тема [заботы о деревянных домах] вообще старинная, давно в душе сидит. <...> Я вот с 2019 г., каждый год я всегда с Том Сойер Фестом. Причем всегда с кисточкой, всегда в первых рядах» (И18)), или профессиональному/меценатскому — в их реставрации («Захватывает это. Когда берешь и покупаешь какое-то старое здание, стараешься вникнуть в историю и смотришь, кто, например, [здесь] раньше жил» (И15)). В таком переживании важным часто оказывается соприкосновение с материальностью домов, которые ощущаются своеобразными свидетелями былых событий, мостиком между

настоящим и прошлым: «Когда работали над этим домом, <...> счищали <...> старые слои краски, грязь, и взору открылось вот это вот чудо — замечательная древесина» (И1).

Создатели проектов рисуют романтизированные картины далекого прошлого, где деревянная застройка неразрывно связана с жизнью и трудами горожан, принесших величие своему городу и создавших его уникальность. В таких избирательных реконструкциях прошлого чаще всего фигурирует купечество, усилия которого определили расцвет городов:

Поэтому сложилось новое название: «Купцы — промышленники — предприниматели — меценаты — благотворители», — как характеризующие этих людей понятия. <...> Цель проекта была очень проста: <...> сделать так <...> чтобы благодарные потомки узнали о них, о том, что было сделано в Вологде благодаря их стараниям. (И11)

Образ былого величия зачастую резко контрастирует с текущим состоянием домов, что также стимулирует ностальгию-настроение:

У нас много таких купцов-меценатов, которые [определили] историю этого города [Тотьмы]. <...> Я прям всегда топлю за наш Русский Север, за Вологодскую область, за Архангельскую. Это прям уникальность. То есть это надо сохранять всегда. (И18)

Предметом ностальгических переживаний и нарративов могут выступать не только связанные с деревянной застройкой люди и их опыт, эпохи, но и сама «уходящая натура» (отчасти) сохранившихся деревянных домов и кварталов, которым угрожают ветшание или снос. Хрупкость и временность существования обостряют эмоции, связанные с этими городскими объектами.

И я пошла в сторону квартала Трех святителей. <...> Там кошка торчала из форточки, и жительница сидела около окна, смотрела телевизор. Я просто в форточку спросила: «Ну, какая у вас ситуация?» Они говорят: «Да все, нас расселяют уже, сносят, скоро нас тут всех снесут, никого не будет, <...> тут все, все уже обречено». И вот я просто по этому кварталу гуляла, делала фотографии и думала, что это последние фотографии <...>, которые я делаю в этом квартале, что больше я его никогда не увижу. (И2)

Еще острее переживается утрата конкретных домов, которые не удалось спасти: «Почему еще жалко дом, который увидел, что его за ночь снесли, разобрали. Там были не слишком выдающиеся наличники, но я уже думал, как я их впишу в какую-нибудь будущую свою экскурсию. А уже не впишу» (И1). Их потеря воспринимается как необратимая катастрофа, порожденная равнодушием городских публик: «...вот видите, история такая: его можно бы сохранить, но никому не было до этого дела — и пропало» (И15). Иногда чувство утраты масштабируется до всего городского деревянного ландшафта: «...все это сжималось довольно быстро. Сейчас это жалкие остатки [деревянного модерна]» (И3).

Такая эмоционально нагруженная ностальгия не является исключительно ретроспективной, а заставляет информантов думать о будущем сохранившейся де-

ревянной застройки, выступающей важным элементом городской идентичности, и мобилизовать усилия для ее сохранения. Чтобы реализовать эту большую цель, акторы, проникнувшиеся ностальгией-настроением, стремятся создать проекты, которые будут распространять переживаемый ими аффект на других горожан, таким образом превращая ностальгию в *режим*.

Ностальгия как режим: сборка и настройка проектов работы с деревянными домами

В поисках «правильной» ностальгии:

задачи инструментального использования ностальгии

Ностальгия не только рождается «естественно» и спонтанно благодаря личной памяти и биографии горожан или опыту соприкосновения с материальностью домов, но и инструментально (пере)осмысливается и (вос)создается в ходе реализации разномасштабных проектов для решения экономических и социальных задач. Градозащитники, краеведы, работники музеев могут стремиться вызывать у горожан ощущение сопричастности к жизни и судьбе деревянных построек и через создание ностальгии формировать «ответственных горожан», которые будут готовы защищать деревянную застройку в случае угрозы сноса и заботиться о ее состоянии. Один из способов формирования такой ностальгии — непосредственное участие горожан в ремонте/консервации. За плечами многих участников исследования во всех трех городах опыт участия в фестивале восстановления исторической среды ТСФ в качестве волонтеров или организаторов. Нижегородский проект «Заповедные кварталы» фактически вырос из этой добровольческой практики. В буквальном смысле прикасаясь к истории зданий — ощущая шершавость досок и запах стружки, бережно покрывая краской замысловатый завиток резьбы, — горожане привязываются к зданиям, обнаруживают в них ценность и становятся готовы защищать их. Здесь ностальгия переживается как радость от сохранения зданий или боль утраты: «...Нам разрешили покрасить — мы покрасили. А внутри мы сделать ничего не могли. И дом не спасли. <...> И для меня это до сих пор боль в сердце. И я все равно чувствую за него ответственность. Хотя это не моя собственность» (И19). Волонтеров ТСФ ждут у себя и защитники «Красного просвещенца», чтобы не только обновить фасады, но и привлечь внимание других горожан к возможному сносу.

Конечно, волонтерство требует значительных временных и эмоциональных затрат, а также привлекает только определенную часть городской общественности, но личная сопричастность создается и в иных формах: через организацию мероприятий для соседей или пополнение музейных коллекций личными вещами бывших и нынешних жильцов, а также музеефикацию повседневных практик, как в случае квартала «Красный просвещенец», повседневность которого зафиксирована в формате виртуального музея, служащего доказательством его ценности.

Иногда подобные мероприятия и форматы ориентированы на внешние городские публики и даже коммерциализированы, но все равно стремятся сохранить атмосферу «ламповых» событий «для своих» (например, чаепития в саду и «домашние концерты» в «Заповедных кварталах», а также интерактивные экскурсии, где предметы коллекции попадают в руки посетителей, а местные жители делятся с ту-

ристами семейными историями). Такие практики, как полагают информанты, стимулируют горожан и туристов увидеть ценность деревянных зданий.

Конечно, мнение [посетителей] поменялось на очень такое позитивное. Если раньше <...> говорили: «Снесите эти деревянные, зачем они нужны? Надо давно все зачистить, чего вы там ковыряетесь в этих остатках культурного наследия, пытаетесь спасти то, что уже давно нельзя спасти?», — то сейчас благодаря все-таки, мне кажется, большой очень работе <...> экскурсоводов, просветительской большой деятельности, благодаря тому, что благоустройство, реставрация действительно идет... <...> В общем, среда определяет сознание, вот среда меняется — и сознание меняется. (И2)

Между тем городские администрации и музейные работники видят в ностальгии коммерческий потенциал: она может создавать особую идентичность места, привлекающую туристов и стимулирующую потребление. Например, рабочая группа «Заповедных кварталов» заявляет о своих амбициях следующим образом: «Мы верим, что старинный квартал может и должен превратиться в культурно-туристический кластер в центре Нижнего Новгорода»⁶. Формирование такого кластера предполагает умелую музеефикацию образа жизни купечества и мещанского сословия, прежде населявших район, а также коммерциализацию эстетики дореволюционного быта, которая прямо эксплуатируется или косвенно обыгрывается в символике проекта, дизайне его социальных сетей, сувенирной продукции:

И при этом погружение произойдет не просто когда вы пройдете по улице, фотографии красивые сделаете, а когда вы ощутите себя частью эпохи. То есть вы, условно говоря, покупаете в той же самой стилистике те блюда, которые были характерны для Нижнего Новгорода. Эту купеческую среду ощутите на себе полностью. То есть полностью 5D-ощущения. <...> И вот эта иммерсивность, она дает добавленную стоимость. (И4)

Сходным образом, пока существующий только на бумаге «Квартал меценатов» в Вологде позиционируется как «новый туристически-музейный хаб», способный привлечь не только туристов, но и бизнес и создать разнообразные площадки для досуга и потребления: тематические кафе и рестораны, концерты, фестивали.

Разумеется, в приоритете у бизнеса, использующего исторические деревянные здания, — коммерческая прибыль. Предприниматели Якимовы, размещающие в отреставрированных домах цветочные магазины и кафе, подчеркивают, что продают не только товары и услуги, но и возможность побывать в исторических интерьерах, приобщиться к истории и памяти, получить эстетическое удовольствие: «Это какой-то плюс к бизнесу. Получается красиво, люди интересуются, люди идут. И все равно вот эта вот старина и вот эта вот обстановка, она душу греет и людям, да и нам тоже» (И15). Эксплуатируя ностальгию по красоте утерянного образа жизни, они расширяют ассортимент за счет антикварной и винтажной посуды, а также аксессуаров, елочных игрушек и тематических сувениров. Кроме того, они признают, что некоторые клиенты делают выбор в пользу их магазинов в том числе и по-

⁶ О музее под открытым небом «Заповедные кварталы» см. URL: <https://tickets.zkvartaly.ru/about> (дата обращения: 18.10.2025).

тому, что таким образом хотят приобщиться к сохранению деревянной застройки. Наконец, признание и репутация меценатов, которые Якимовы приобрели благодаря своим нашумевшим реставрационным проектам, не только служат продвижению их бизнеса, но и помогают в сетевизации и заключении новых сделок.

Примечательно, однако, что, несмотря на явную коммерческую ориентацию многих проектов, в большинстве полученных нарративов экономический успех не артикулируется как центральная задача, а коммерциализация ностальгии описывается скорее как мягкий инструмент просвещения и воспитания «хороших горожан» либо как «необходимая жертва» для сохранения деревянной застройки. Так, миссией «Заповедных кварталов» заявлены «возрождение исторической среды» и «восстановление деревянных объектов культурного наследия»⁷, инициаторы создания «Квартала меценатов» стремятся к «сохранению аутентичной среды» (И12), а предприниматели из Вологды фреймируют свою деятельность в терминах «социальной миссии» и «предназначения», подчеркивая второстепенность коммерческой выгоды.

Для властей связанная с деревянными домами ностальгия носит амбивалентный характер. С одной стороны, деревянная застройка зачастую видится как обременение, от которого необходимо избавляться, чтобы освободить место для новой коммерческой инфраструктуры. Поэтому деревянные здания часто стигматизируются в дискурсе политических элит как «гнилушки» и «трущобы», их ценность как городских объектов отрицается, а связанные с ними память и ностальгия «обнуляются»: «Какой деревянный Нижний, о чем вы вообще говорите? Развалюхи какие-то, гнилушки. Это работа просто колоссальная [доказывать ценность деревянной застройки]: это нужен целый институт, который будет каждый день местным промывать мозги, начиная с чиновников» (И5).

С другой стороны, деревянные здания могут стать частью уникальной идентичности города и региона, и в этом случае укорененная в них ностальгия может конвертироваться в туристический интерес и инвестиционную привлекательность, а потому она связывается с дискурсом прогрессивного городского развития. В этом случае логика управления ностальгией напоминает ту, что мы описывали выше как нацеленную на коммерциализацию и рентабельность, однако из-за доступности государственных субсидий окупаемость проектов оказывается менее важной, чем достижение формальных отчетных показателей, свидетельствующих о динамичном развитии города (например, рост туристических потоков или числа привлеченных предпринимателей). Для администрации сохранение аутентичности зданий не является самостоятельной задачей: важны лишь эффекты, которые такая, реальная или имитированная, аутентичность может производить:

Мы <...> проводили мощную нотаризацию по всем нашим памятникам и каменного, и деревянного зодчества как раз для того, чтобы выделить тот перечень памятников, которые находятся в центральной части города, которые могут составлять турмаршрут, который мы можем предоставить бизнесу для производства работы, для вовлечения в хозяйственный оборот. (И13)

⁷ О музее под открытым небом «Заповедные кварталы» см. URL: <https://tickets.zkvartaly.ru/about> (дата обращения: 18.10.2025).

Выделенные нами задачи воспитания ответственных граждан, достижения коммерческой рентабельности и подотчетного городского развития почти никогда не бывают представлены в проектах в чистом виде, а причудливо перемешиваются, дополняя друг друга или конкурируя между собой. Более того, задачи не всегда четко артикулированы участниками с самого начала: они могут вырастать из новых обстоятельств, открывшихся в ходе реализации проектов, пересматриваться или вытеснять друг друга.

Настройка режима ностальгии в ходе работы над проектами

Для решения описанных выше задач подходят далеко не все версии истории, памяти и ностальгии, связанные с деревянными домами. Разные городские акторы, вовлеченные в проекты по сохранению и/или трансформации деревянной застройки, осуществляют сложную семиотическую работу по селекции и репрезентации тех временных фреймов и связанных с ними исторических нарративов и воспоминаний, которые считают наиболее релевантными своим задачам, и отсоединению «лишних» элементов.

Большинство изученных нами домов, за исключением квартала «Красный просвещенец», были построены в дореволюционное время. Их архитектура, материальность старых стен и перекрытий, а порой и сохранившиеся интерьеры могут выступать источником и опорой ностальгии по ушедшей эпохе. С другой стороны, эти дома использовались и в советское время и сохранили следы советских перестроек и ремонтов, а также быта жильцов. Некоторые дома оставались/остаются жилыми и в постсоветский период, а значит, наполнены привычками и практиками недавних обитателей. Однако непрерывность времени, в которой существуют дома, постоянно неуловимо или резко меняясь, наполняясь новыми смыслами и теряя старые, вступает в противоречие с проектной логикой, где одни исторические эпизоды и связанные с ними ностальгические нарративы оказываются более востребованными и ценными, чем другие. Это противоречие может разрешаться разными способами.

Чаще всего используется стратегия удревления. Советские и тем более постсоветские «слои» воспринимаются как недостаточно старые и историчные, а потому недостаточно ценные, и отсеиваются. В этом случае цель реставрации видится в том, чтобы максимально приблизиться к самым ранним версиям конструкции, материалов и интерьеров, а затем здание наполняется историческими предметами — может быть, не аутентичными для него, но соответствующими «правильным» временным фреймам. Такая стратегия отчетливо прослеживается в домах Якимовых, которые в ходе реставрации бережно освобождаются от всего (пост) советского и наполняются антикварной мебелью и посудой, создающими впечатляющие декорации для современных магазинов и кафе и одновременно отсылающими к истории вологодского купечества и меценатства. Однако такая стратегия подвергается критике, поскольку, обесценивая «недостаточно старое» прошлое, она приводит к утрате всех более поздних «культурных слоев»:

Они снимают старую краску, докапываются до оригинального слоя и как-то пытаются восстановить на основе этого оригинального слоя цвет. А все, что было до этого, все

те этапы, когда дом перекрашивали — в советское время, в 20-м веке, в 90-е годы, — это все не учитывается, мы это все выкидываем из истории. (И6)

Другая возможная стратегия — ранжирование эпох, когда противоречие современного и несовременного решается посредством зонирования пространства, где разные помещения или здания комплекса отсылают к разным историческим периодам и раскрывают разные ностальгические нарративы. Так, в проекте «Квартал меценатов» невозможно игнорировать советские эпизоды: Дом купца Самарина, где располагается центральный для проекта выставочный комплекс «Вологда на рубеже XIX—XX вв.», сохранился в советское время благодаря тому, что там во время ссылки жила сестра В. И. Ленина Мария Ульянова, и ее квартира до сих пор составляет часть экспозиции. Однако приоритетной для нового проекта все же остается утерянная история дореволюционного купечества, которую создатели планируют продемонстрировать и через работу со средой, и через выставочный нарратив, наполненный досоветскими биографическими деталями, личными документами и предметами:

До сих пор есть люди в Вологде, которые нас называют «ульяновским домиком», приходят: «А меня здесь принимали в пионеры. А я здесь принимала присягу». <...> В общем, очень много сделано за эти тринадцать лет для того, чтобы о нас узнали, и не стояли бы мы просто в центре города как что-то такое раритетное, на ладан дышащее. И вот это на ладан дышащее благодаря этому проекту, связанному с купцами-предпринимателями, хочется [воскресить]. (И12)

Самые непроблематичные и причудливые сочетания досоветского и (пост)советского обнаруживаются в частных деревянных домах, поддерживаемых и восстанавливаемых владельцами. Так, в семье тотемского художника создается семейный музей, где сохраненные или обнаруженные в ходе ремонта элементы интерьера и предметы быта мирно соседствуют с вещами и картинами нынешних хозяев. Новая владелица тотемского дома в ходе ремонта оставляет то, что ей нравится — неважно, какой эпохе это принадлежит, — и без сожалений расстается с теми элементами, которые не соответствуют ее эстетическим предпочтениям и представлениям о функциональном жилье:

Мы сохранили то, что могли. <...> Мы перила все сохранили и будем их задействовать в процессе ремонта <...>. Также частичка сохранена истории какой-то в качестве мебели, то есть будем реставрировать. <...> Мне не хочется вдаваться прямо в такую избу, хочется все современно, но какие-то детальки я бы все равно сохранила. (И17)

Как мы видим, частные пространства позволяют свободнее соединять элементы эпох и не придавать большого значения их консистентности [Kannike, 2013].

Первоначально большая свобода оперирования различными временными фреймами была свойственна и предпринимателям Якимовым, которые были готовы при работе с первым домом поступиться историчностью ради функциональности, а в своем любительском музее, созданном в Доме с лилиями, представили

не только эпизоды дореволюционного прошлого, но и советскую историю семьи, проживавшей в здании до революции, а также историю собственного семейного бизнеса. Однако по мере того как Якимовы стали привлекать к работе профессиональных реставраторов, их подход стал более строгим, требующим максимальной консистентности временных фреймов и соответствующим первой стратегии.

При нащупывании предпочтительного режима возникают противоречия между идеальной эстетикой и материальностью зданий, соответствующей выбранному временному фрейму и «правильной» ностальгии, с одной стороны, и необходимостью функционального использования зданий для жилых, коммерческих или выставочных целей — с другой. Так, инициаторы проекта «Заповедные кварталы» предпочли бы идти по пути сохранения максимально аутентичного исторического облика зданий и среды, что потребовало бы максимальной музеефикации территории и очищения ее от «лишних» наслоений советского и постсоветского периодов, в том числе современных жилых функций. Нынешние жильцы выглядят для них как источники беспокойства и беспорядка, препятствующие созданию аутентичной исторической атмосферы. Если избавиться от жильцов оказывается невозможным, предпринимаются попытки встроить их в проект, проводя благоустройство придомовых территорий в соответствии с эстетикой проекта (например, снося «некрасивые» сараи и разбивая клумбы) и организуя во дворах публичные мероприятия. Это встречает противодействие жителей, не готовых поступиться привычными практиками использования домов и территории и подчиниться логике музеефикации:

Мы сейчас «встали на оборону» двора. <...> Чаепития тут делают. <...> Те, кто приходят, не понимают, что тут живут люди. Фотографируют окна, заглядывают. Они пишут, что в дома надо «Вдохнуть новую жизнь» — значит, нас надо оттуда выдохнуть! (И7)

В свою очередь инициаторы ревитализации видят в сопротивлении жителей попытки эксплуатации своих ресурсов и усилий и пренебрежение ценностью квартала:

Но есть еще какое-то потребительство: «Вы нам теперь <...> вечно должны — сделать мне участок, поставить мне забор, провести мне канализацию, отопление, потому что мой дом стал памятником. А я сама не буду ничего делать». <...> И это право выдвигать любые требования и делать что хочешь с этими объектами. Вот хочу там веранду пристроить — все, взяла, пристроила по деревянной резьбе, которую мы чистили, реставрировали. (И8)

Порой стремление вернуться к аутентичной версии облика здания, в целом характерное для энтузиастов проекта, вступает в конфликт с их собственными эстетическими предпочтениями и ожиданиями администрации, что хорошо иллюстрирует эпизод, с которого мы начали статью: при реставрации дома открывается первый слой краски, столь шокирующе яркий и явно неуместный в современном городском ландшафте, что в конечном счете приходится поступиться аутентичностью и сделать выбор в пользу менее броского оттенка.

Кроме того, созданию и/или поддержанию аутентичной ностальгической атмосферы может угрожать благоустройство и развитие коммерческой инфраструктуры, необходимой для повышения туристического потенциала территорий.

Наш уголок прямо в центре города. <...> Может быть, замечали: заходишь за ворота — и как будто вся суета там осталась. <...> Благоустройство этой площадки <...> именно на аутентичной основе для города просто бесценно. Это и туристический такой момент, и уголок отдохновения для самих вологжан. <...> Антропогенная нагрузка на эти дома не должна быть очень большой. Поэтому, конечно, такие опасения [нарушить атмосферу] есть. (И12)

Однако такая регенерация зачастую выступает необходимым условием сотрудничества с властями и бизнесом, без которого реализация проекта становится невозможной. Кроме того, участники проектов озабочены привлечением на территорию «правильного» бизнеса (тематических кафе и кондитерских, креативных индустрий, организации праздников и пр.), который подойдет ее атмосфере и будет перекликаться с ее историческим нарративом, и опасаются экспансии «трэш-бизнеса» (И10), такого как шаверма и ремонт телефонов. При этом информанты признают, что музеефикация территории выступает барьером для предпринимателей, которые не могут использовать «аутентичное» пространство в своих целях:

Инвесторы приходят и уходят: нам не нравится. <...> То есть вот эта стандартная реставрация — она никому не интересна. Вернее, она не имеет будущего. Нужно реставрировать объект, уже заранее зная, какой будет функционал, под инвестора, понимая, кто туда зайдет делать бизнес или использовать. (И8)

Это напряжение артикулируют и сами представители бизнеса. Так, Якимовым пришлось пожертвовать удобством использования помещений и согласиться с существенным удорожанием проектов ради более корректной и «историчной» реставрации.

Материальность зданий также может способствовать или препятствовать производству «правильной» ностальгии. Описывая процессы реставрации, Якимовы и привлеченные ими специалисты подчеркивают, что «дом сам подсказывает», как следует продолжать работу. Это означает, что иногда в ходе исследований обнаруживаются ценные элементы архитектуры или интерьера, которые могут обыгрываться при разработке концепции пространства. Так, в ходе работ в доме Черноглазова были найдены аутентичные входные двери с уникальным резным орнаментом в стиле модерн — цветками лилий, а при реставрации дома на ул. Герцена, 38 были раскрыты фрагменты росписи стен. Однако бывают и неприятные сюрпризы — в доме Дружинина реставраторы рассчитывали раскрыть оригинальные балки, но оказалось, что в советский период те были заменены дешевым брусом.

Возникает потребность в компенсации дефицита материальной аутентичности с помощью специальной работы по производству ценности зданий. В доме Дружинина, например, нехватка оригинальных материалов уравнивается эстети-

кой фасадов и интересными интерьерными решениями. Если же и такая компенсация оказывается невозможной, как в квартале «Красный просвещенец» с его минималистичной типовой застройкой, ставка делается на артикуляцию ценности повседневности: виртуальный музей квартала рассказывает о романтике скрипа ступеней и запахе деревянной лестницы, о «царь-тополе» в саду, о необходимости оставлять зимой струйку воды, чтобы избежать замерзания труб в деревянном доме, и о садовой лавочке, которую не чинят, желая «сохранить старость, сохранить эпоху буквально, не изменяя, не улучшая»⁸. В этом случае не требуется очищения от современных жилых функций: напротив, они становятся главным материалом для выстраивания релевантного ностальгического нарратива. Однако это не означает, что селекции не происходит вовсе: в виртуальном музее создается цифровая копия квартала, которая репрезентирует лишь интересные и трогательные эпизоды недавнего прошлого и настоящего, тогда как неприглядные стороны быта и общежития игнорируются. В результате посетители музея имеют дело с очищенной, эстетизированной и экзотизированной версией повседневности, наилучшим образом пригодной для создания и переживания ностальгии.

Дискуссия и заключение

Итак, исторический дом — важная локация для исследований наследия [Hodge, Beranek, 2011]: он дает возможность увидеть моменты перехода между частным и публичным, связывает физическое пространство жизни и социальное пространство памяти и позволяет «пересобрать» актуальные коллективные идентичности и переосмыслить ценность наследия в повестке музеефикации [Wang, 2014].

В этой статье мы реконструировали процессы (вос)производства различных значений исторических деревянных домов, таких как музей, культурный центр, место притяжения туристов, жилье, показатель развития города или «гнилушка», разными акторами: от частных предпринимателей и жителей до градозащитников и чиновников, и показали, как эти значения соотносятся с более широким контекстом городской политики. Наш анализ свидетельствует о том, что работа с деревянными зданиями не может быть описана простой оппозицией музеефикации — коммерциализации, поскольку охватывает широкий и изменчивый спектр практик обращения с их исторической и коммеморативной ценностью. «Ухватить» эту сложность нам помогает понятие «рабочие поверхности социального», позволяющее рассматривать проекты работы с деревянными домами как подручные для городских акторов «сборки» различных элементов, превращающие материальность дома, предметы, биографии жильцов, опыт пребывания в доме и усилия по его сохранению в культурные продукты, призванные решать те или иные задачи: от сохранения памяти до привлечения туристов или выполнения показателей городского развития, — и тем самым реализовывать различные городские политики. Исследование показало, что существенную роль в функционировании таких «поверхностей» играет ностальгия как перформативный механизм, одновременно выступающий и аффектом, и прагматичным инструментом.

⁸ Старая лавочка без ножки, но со мхом // Красный просвещенец. URL: <https://redprosvet.info/phenomena/staraya-lavochka-bez-nozhki-no-so-mhom.html> (дата обращения: 18.10.2025).

Ностальгия как *настроение* формируется в опыте взаимодействия акторов с материальным наследием деревянного дома, в практиках сохранения здания и разнообразной заботы о нем, а также во взаимодействии с историческими документами, с бывшими и нынешними жильцами. Она основывается и на персональном опыте жизни в доме, и на семейной истории, и на воспоминаниях о детстве или ином периоде жизни, проведенном в окружении деревянной застройки. Она также создается в процессе непосредственного соприкосновения с материальностью зданий. Важным триггером такой ностальгии становится угроза сноса или переживания, связанные с уже свершившимся сносом: аффект, произведенный комбинацией эмоций, памяти и практик заботы, служит «движком» для создания такой «рабочей поверхности социального», которая смогла бы распространить эмоцию ностальгии на разные городские публики и сохранить ценные здания.

Опираясь на аффективную ностальгию, акторы создают проекты, где ностальгия превращается в *режим* — управляемый механизм, посредством которого они добиваются реализации конкретных социальных, экономических и политических задач. Одна из таких задач, которая пронизывает почти все изученные кейсы, — создание «хорошего горожанина». Проекты «исторического квартала», «магазина с музейным пространством» и семейного «дома-музея» нацелены на формирование гражданина, ответственного за будущее деревянной застройки в городе, понимающего ее ценность и готового в нужный момент мобилизоваться для ее защиты. Эту задачу акторы комбинируют с другими, такими как создание притягательных туристических мест, помогающих городу демонстрировать хорошие показатели развития, или экономически успешных коммерческих пространств. При этом экономический успех проектов почти не артикулируется как центральная задача, выступая скорее условием участия городских публик и сохранения домов. Однако для чиновников привлечение инвесторов и приспособление наследия под коммерческие нужды стоит на первом месте, а сохранение наследия остается непроговариваемым фоном. В этом смысле успешные проекты меценатов работают как *поверхности*, способные производить новых горожан-инвесторов.

Чтобы превратить «аварийный деревянный дом» в «дом-музей», а улицу с «гнилушками» — в «исторический квартал», необходимо отобрать воспоминания и нарративы о прошлом, которые согласуются с задачами и видением вовлеченных акторов, и «отсеять» неподходящие. В проектах, которые мы анализируем, чаще «вычищаются» элементы, связанные с советской и постсоветской эпохами, а приоритет отдается дореволюционному периоду, принятому создателями проектов как «истинная сущность» домов. Там, где дореволюционный слой отсутствует, вычищаются «неудобные», конфликтные элементы (пост)советского периода, а сохранению (в цифровом формате) подвергаются лишь романтизированные образы повседневности домов. Удалению также подлежит жилая функция домов, поскольку она мешает превращению дома в управляемый, предсказуемый культурный продукт, который легко поддерживать и менять для производства ностальгии.

Проекты также вступают в противоречие с окружающей средой, которую невозможно адаптировать под нужды ностальгии как *режима*. Современное благоустройство территории вокруг деревянных зданий, необходимость привлекать

туристов и встраивать дома в экономические потоки требуют компромиссов. Создатели неизбежно внедряют современные функции и элементы даже в проекты, ориентированные на максимальное сохранение «аутентичного» пространства: это не только новые материалы, которыми заменяют отжившие свое конструктивные элементы или убранство, но и все, что необходимо для поддержания экономической устойчивости проектов. Элементы эти, однако, неслучайны, поскольку их присоединение должно усиливать ностальгию как режим. Именно поэтому исторические дома наполняют функциями кофейни, цветочного магазина, культурного пространства или винтажной лавки, а не шавермы или ремонта телефонов.

В изученных кейсах мы преимущественно имеем дело с небольшими, экспериментальными, инициированным активистами, семейными проектами, у которых нет готовых прототипов и инструкций по «сборке». Если в проектах, реализуемых профессионалами музейного дела или крупными девелоперами, специалисты стратегически отбирают «удобные» элементы наследия, стремясь создать непротиворечивую дизайн-стратегию [Edensor, 2005], то в наших примерах чаще обнаруживается эклектичность подходов, где выбор элементов для ностальгии как режима опирается на ностальгию-настроение самих создателей. Стремясь раскрыть больше слоев истории и превратить «гнилушки» в ценные исторические объекты, создатели проектов вынуждены жертвовать теми или иными временными фреймами и эпизодами. Однако общая гибкая ориентация на сохранение деревянной застройки за пределами логики музейности и коммерциализации позволяет свободно комбинировать элементы современности и прошлого и таким образом переживать и использовать ностальгию вне устоявшихся форм и нарративов.

Литература (References)

1. Бахарева М. А., Садова Е. С. (2021) «Том Сойер Фест» в Вологде: опыт участия горожан в сохранении исторического облика города // Городские исследования и практики. Т. 6. № 3. С. 7—21. <https://doi.org/10.17323/usp6320217-21>. Bakhareva M. A., Sadova E. S. (2021) Tom Sawyer Fest in Vologda: The Experience of Public Participation in Preserving the Historical Image of the City. *Urban Studies and Practices*. Vol. 6. No. 3. P. 7—21. <https://doi.org/10.17323/usp6320217-21>. (In Russ.)
2. Манцерова М. А. (2023) Роль волонтерства в сохранении историко-культурной среды Нижнего Новгорода // *Vita memoriae: Теории и практики исторических исследований* / под ред. Л. В. Софроновой, Т. Г. Чуговой. Нижний Новгород: НГПУ им. К. Минина. С. 145—148. Mantserova M. A. (2023) The Role of Volunteering Activities in the Preservation of the Historical and Cultural Environment of Nizhny Novgorod. In: Sofronova L. V., Chugunova T. G. (eds.) *Vita Memoriae: Theories and Practices of Historical Research*. Nizhny Novgorod: Minin State Pedagogical University at Nizhny Novgorod. P. 145—148 (In Russ.)
3. Шумилкин А. С., Грачева Е. Е. (2019) К проблеме сохранения и развития историко-архитектурного пространства района улиц Славянской, Короленко,

- Новой в Нижнем Новгороде // Градостроительство и архитектура. Т. 9. № 2. С. 136—141. <https://doi.org/10.17673/Vestnik.2019.02.18>.
- Shumilkin A. S., Gracheva E. E. (2019) To the Problem of Preservation and Development of the Historical and Architectural Space of the Streets of Slavyanskaya, Korolenko and Novaya in Nizhny Novgorod. *Urban Construction and Architecture*. Vol. 9. No. 2. P. 136—141. <https://doi.org/10.17673/Vestnik.2019.02.18>. (In Russ.)
4. Aykaç P. (2023) Absent Presents: Musealisation of the Historic Town of Hasankeyf as a Manifestation of 'Absent Heritage'. *Journal of Architectural Conservation*. Vol. 29. No. 3. P. 214—231. <https://doi.org/10.1080/13556207.2023.2180715>.
  5. Bennett T. (2007) The Work of Culture. *Cultural Sociology*. Vol. 1. No. 1. P. 31—47. <https://doi.org/10.1177/1749975507073918>.
  6. Brembeck H., Sörum N. (2017) Assembling Nostalgia: Devices for Affective Caption on the Re:heritage Market. *International Journal of Heritage Studies*. Vol. 23. No. 6. P. 556—574. <https://doi.org/10.1080/13527258.2017.1300928>.
  7. Bulger T. D. (2011) Personalising the Past: Heritage Work at the Museum of African American History, Nantucket. *International Journal of Heritage Studies*. Vol. 17. No. 2. P. 136—152. <https://doi.org/10.1080/13527258.2011.541066>.
  8. Denslagen W. F. (2009) Romantic Modernism: Nostalgia in the World of Conservation. Amsterdam: Amsterdam University Press.
  9. Doratli N. (2005) Revitalizing Historic Urban Quarters: A Model for Determining the Most Relevant Strategic Approach. *European Planning Studies*. Vol. 13. No. 5. P. 749—772. <https://doi.org/10.1080/09654310500139558>.
  10. Edensor T. (2005) The Ghosts of Industrial Ruins: Ordering and Disordering Memory in Excessive Space. *Environment and Planning D: Society and Space*. Vol. 23. No. 6. P. 829—849. <https://doi.org/10.1068/d58j>.
  11. Edensor T. (2013) Vital Urban Materiality and Its Multiple Absences: The Building Stone of Central Manchester. *Cultural Geographies*. Vol. 20. No. 4. P. 447—465. <https://doi.org/10.1177/1474474012438823>.
  12. Fiore E., Caradonna V. (2025) Heritagizing the Other: Diversity, Heritage and Gentrification in Amsterdam Oost. *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 49. No. 1. P. 95—110. <https://doi.org/10.1111/1468-2427.13288>.
  13. Halauniova A. (2021) Getting the Right Shade of Ochre: Valuation of a Building's Historicity. *Space and Culture*. Vol. 24. No. 3. P. 421—436. <https://doi.org/10.1177/1206331221997656>.
  14. Hodge C. J., Beranek C. M. (2011). Dwelling: Transforming Narratives at Historic House Museums. *International Journal of Heritage Studies*. Vol. 17. No. 2. P. 97—101. <https://doi.org/10.1080/13527258.2011.541063>.
  15. Istasse M. (2016) Affects and Senses in a World Heritage Site: The Sensual and Emotional Side of Fez Medina. In: Brumann C., Berliner D. (eds.) *World Heritage on*

- the Ground: Ethnographic Perspectives*. Oxford: Berghahn. P. 149—170. <https://doi.org/10.3167/9781785330919>.
16. Jacobs J. M. (2006) A Geography of Big Things. *Cultural Geographies*. Vol. 13. No. 1. P. 1—27. <https://doi.org/10.1191/1474474006eu3540a>.
  17. Jethro D. H. (2015) Aesthetics of Power: Heritage Formation and the Senses in Post-Apartheid South Africa. PhD Thesis. Utrecht: University of Utrecht.
  18. Jones S. (2010) Negotiating Authentic Objects and Authentic Selves. Beyond the Deconstruction of Authenticity. *Journal of Material Culture*. Vol. 15. No. 2. P. 181—203. <https://doi.org/10.1177/1359183510364074>.
  19. Kannike A. (2013) Nostalgia at Home: Time as a Cultural Resource in Contemporary Estonia. *Journal of Baltic Studies*. Vol. 44. No. 2. P. 153—176. <https://doi.org/10.1080/01629778.2013.775848>.
  20. Meloni P. (2025) The Ambivalence of Cultural Heritage Policies: Creative Cities and Gentrification in Florence. *International Journal of Heritage Studies*. Vol. 31. No. 5. P. 541—558. <https://doi.org/10.1080/13527258.2025.2476449>.
  21. Ruy A. T., Almeida R. H. D. (2020) Territorial Museification: Fundamentals of a Concept. *Revista Brasileira de Estudos Urbanos e Regionais*. Vol. 22. <https://doi.org/10.22296/2317-1529.rbeur.202026en>.
  22. Simine S. A. (2013) Mediating Memory in the Museum: Trauma, Empathy, Nostalgia. London: Palgrave Macmillan.
  23. Smith L., Campbell G. (2017) 'Nostalgia for the Future': Memory, Nostalgia and the Politics of Class. *International Journal of Heritage Studies*. Vol. 23. No. 7. P. 612—627. <https://doi.org/10.1080/13527258.2017.1321034>.
  24. Snellman H. (2016) An Ethnography of Nostalgia: Nordic Museum Curators Interviewing Finnish Immigrants in Sweden. *Journal of Finnish Studies*. Vol. 19. No. 2. P. 158—177. <https://doi.org/10.5406/28315081.19.2.09>.
  25. Van de Port M., Meyer B. (2018) Heritage Dynamics: Politics of Authentication, Aesthetics of Persuasion and the Cultural Production of the Real. In: Meyer B., van de Port M. (eds.) *Sense and Essence: Heritage and the Cultural Production of the Real*. London: Berghahn. P. 1—39. <https://doi.org/10.3167/9781785339394>.
  26. Văduva L., Petroman C., Vălulescu D., Marin D., Petroman I. (2024) Musealisation, Museification, Museumification, and/or Museumisation? *Quaestus*. No. 24. P. 115—124.
  27. Wang C. (2014) How Does a House Remember? Heritage-ising Return Migration in an Indonesian-Chinese House Museum in Guangdong, PRC. *International Journal of Heritage Studies*. Vol. 20. No. 4. P. 454—474. <https://doi.org/10.1080/13527258.2013.771791>.
  28. Yaneva A. (2008) How Buildings 'Surprise.' *Science & Technology Studies*. Vol. 21. No. 1. P. 8—28. <https://doi.org/10.23987/sts.55231>.

29. Yaneva A. (2017) Five Ways to Make Architecture Political: An Introduction to the Politics of Design Practice. London: Bloomsbury Academic. <https://doi.org/10.5040/9781474252386>.
30. Zhu Y., González Martínez P. (2022) Heritage, Values and Gentrification: The Re-development of Historic Areas in China. *International Journal of Heritage Studies*. Vol. 28. No. 4. P. 476—494. <https://doi.org/10.1080/13527258.2021.2010791>.
31. Zuanni C. (2021) Theorizing Born Digital Objects: Museums and Contemporary Materialities. *Museum and Society*. Vol. 19. No. 2. P. 184—198. <https://doi.org/10.29311/mas.v19i2.3790>.